

DOI: 10.18721/JHSS.10404

УДК: 1: 165; 1:167; 30: 303.01

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕВОДА

Л.В. Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация

Актуальность статьи обусловлена обращением к исследованию когнитивно-семиотического пространства перевода как некоего смыслового континуума, изучение которого переводчиком приводит его к порождению гармоничного текста перевода. Методологическим основанием исследования выступает авторская концепция переводческого пространства, трактующая перевод как синергетический процесс транспонирования множества гетерогенных смыслов из одной лингвокультуры в другую. В результате исследования семиотического пространства перевода показано, что переводческое пространство включено в семиосферу за счет разветвленной системы смыслов, имеющих как антропоцентрическую природу (поля субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента), так и текстовую природу (содержательное, энергетическое, фатическое поля). В процессе исследования когнитивного пространства перевода выдвинута и обоснована гипотеза о том, что языковое сознание переводчика основано на механизмах внутренней речи, внутреннего проговаривания, внутреннего перевода, внешнего проговаривания, внешнего перевода, а также на переходах от одних механизмов к другим. Совокупное рассмотрение когнитивных и семиотических аспектов перевода позволит приступить к созданию теории порождающего перевода.

Ключевые слова: семиотическое пространство, когнитивное пространство, переводческое пространство, смысл, синергия, гармоничный перевод

Ссылка при цитировании: Кушнина Л.В. Когнитивно-семиотическое пространство перевода // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 39–46. DOI: 10.18721/JHSS.10404

Эта статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

COGNITIVE-SEMIOTIC TRANSLATION SPACE

L.V. Kushnina

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

The contribution explores the cognitive-semiotic translation space as a meaningful semantic continuum. The translator's focus on and research of this continuum results in generating harmonious translation. Methodologically the research resides on the author's concept of translation space treating translation as a synergetic system of transposing multiple heterogeneous meanings from source into target culture. Having studied the semiotic translation space, the contribution concludes that translation space is a part of semiosphere through its extensive derivative of meanings of anthropocentric (author's, translator's and recipient's fields) and textual (content, energetic and phatic fields) origins. Results also indicate that translator's linguistic consciousness is based on inner speech mechanisms, his internal speak-through, internal translation, external speak-through, external translation and mechanism switching. The integrated research of cognitive and semiotic aspects of translation makes it possible to provide the underlying theory of generative translation.

Keywords: semiotic space, cognitive space, translation space, meaning, synergy, harmonious translation

Citation: L.K. Kushnina, Cognitive-semiotic translation space, St. Petersburg State Polytechnical

University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 39–46. DOI: 10.18721/JHSS.10404

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Исследуя взаимодействие языков и культур в пространстве перевода, мы оказываемся погруженными в единое семиотическое пространство, которое Ю.М. Лотман обозначил как семиосфера: «...язык есть функция, ступок семиотического пространства ... вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [1, с. 250].

В рамках проводимого нами исследования перевода идея семиотической природы языка и человеческой коммуникации вообще имеет несомненное значение, особенно в связи с тем, что понятие семиосферы ученый распространял и на перевод: «структура семиосферы асимметрична. Это выражается в системе направленных токов внутренних переводов, которыми пронизана вся толща семиосферы. Перевод есть основной механизм сознания» [1, с. 254].

Семиотическая природа перевода как процесса транспонирования асимметричных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую в настоящее время не нашла должного освещения в исследованиях отечественных ученых. Вместе с тем, идея асимметрии как сущностного свойства перевода получила развитие в ряде исследований. Так, Н.К. Рябцева отмечает, что в силу асимметрии в устройстве любого естественного языка, асимметрия между текстами оригинала и перевода неизбежна. Ученый заключает: «... перевод всегда асимметричен оригиналу» [2, с. 16]. В наших исследованиях мы рассматриваем переводческое пространство как симметрично-асимметричную систему, в которой асимметрия смыслов может иметь два вектора развития: в одном случае асимметрия смыслов приводит к порождению гармоничного текста перевода, что обусловлено естественным расхождением смыслов текстов, принадлежащих разным культурам, в другом случае асимметрия может привести к переводческим ошибкам и несоответствиям [3].

Когнитивная природа перевода находит подтверждение в рамках современной антропоцентрической парадигмы, предполагающей влияние когнитивного пространства на пространство перевода, т.к. текст перевода порождается мыслящей, активной личностью, которая, преобразуя и совершенствуя текст, преобразует себя и приобретает черты элитарной языковой личности, обладающей гармоничным переводческим мировоззрением, индивидуально значимой переводческой картиной мира.

Постановка проблемы и цели исследования

Идея порождающего перевода возникла у нас в процессе размышлений о переводческом пространстве, которое можно представить как результат функционирования единого когнитивно-семиотического пространства языка. Сформулированная в середине прошлого века Н. Хомским теория порождающей грамматики, обосновывающая взаимодействие глубинных и поверхностных структур текста, позволила нам выдвинуть гипотезу о теории порождающего перевода, т.к. мысленное конструирование переводческого пространства в сознании переводчика, разграничивающее эксплицитные (поверхностные) и имплицитные (глубинные) смыслы, приводит его к порождению гармоничного текста перевода, соразмерного тексту оригинала.

Согласно нашим предыдущим исследованиям, переводческое пространство есть некий смысловой континуум, в котором происходит взаимодействие языков и культур, при этом поля переводческого пространства не являются изолированными, т.е. они принадлежат конкретному тексту с его гаммой разнородных смыслов и совокупности интертекстов, образующих семиотическое пространство [3].

Напомним кратко суть нашей концепции. Приступая к переводу, переводчик «погружается» в переводческое пространство, в котором он познает множество смыслов исходного текста и транспонирует их в такое же множество смыслов текста перевода. Переводческое пространство мы представляем как открытую, саморазвивающуюся систему, содержащую ядро, текстовые поля и поля субъектов переводческой коммуникации. В качестве ядра выступает содержание текста, в котором порождается фактуальный смысл, являющийся инвариантом для переводчика и единственным эксплицитным смыслом текста. Это означает, что «правильным» может оказаться лишь фактуальный смысл как компонент интегрального смысла текста перевода. Лингвистическим маркером фактуального смысла является тема-рематическая прогрессия текста. На периферии переводческого пространства формируются имплицитные смыслы. В поле автора мы наблюдаем модальный смысл, отражающий интенции и намерения автора текста; в поле переводчика образуется индивидуально-образный смысл, раскрывающий образ-гештальт текста в сознании переводчика; в поле реципиента формируется рефлексивный смысл, прогнозируемый переводчиком; эти смыслы не идентичны, не тождественны, но

соразмерны, соотносимы, со-переводимы. Среди текстовых полей мы вычленим энергетическое поле, где порождается эмотивный смысл и фатическое поле с культурологическим смыслом. Именно в фатическом поле происходит взаимодействие и контакт культур и совершается приращение новых смыслов, отвечающих ожиданиям реципиентов.

Мы предположили, что когнитивно-семиотическое пространство языка в процессе перевода становится той самой порождающей средой, в которой происходит генерация смыслов: предтекст, подтекст, контекст, затекст, интертекст, текст. Порождение имплицитных смыслов происходит следующим образом:

1. Источником модального смысла в поле автора является предтекст, т.е. все те смыслы, которые предшествовали появлению данного текста. Это намерения, интенции, аллюзии, пресуппозиции автора – то, что было выражено им в предыдущих текстах, отражающих его индивидуальный опыт и пр.;

2. Источником индивидуально-образного смысла поля переводчика является подтекст – все глубинные смыслы, которые переводчик может извлечь, формируя в своем сознании целостный образ текста, обозначенный как образ-гештальт, который является уникальным для каждой языковой личности переводчика;

3. Источником рефлексивного смысла поля реципиента является контекст как совокупность фоновых знаний реципиента, его когнитивная база, которая должна быть достаточной для восприятия и понимания текста перевода;

4. Источником эмотивного смысла энергетического поля является затекст как совокупность различных факторов: паравербальные и невербальные средства – жесты, мимика, взгляд, поза говорящего, интонация (для устного перевода); синтаксис, пунктуация, орфография (для письменного перевода);

5. Источником культурологического смысла фатического поля являются интертексты двух контактирующих культур, которые изучает переводчик. Именно в фатическом поле мы наблюдаем разветвленное семиотическое пространство перевода, т.к. содержание интертекстов настолько же неисчерпаемо, как и сама культура, а вместе с ней, семиосфера. Но в каждом случае переводчик изучает определенную грань интертекста, необходимую для понимания конкретного текста и фрагмента и окружающей его семиосферы.

6. Эксплицитно выраженный устный или письменный текст как источник фактуального смысла.

Разрабатываемую нами модель переводческого

пространства можно рассматривать в русле проблем моделирования языковых механизмов, о которых пишут в своем недавнем исследовании Л.Н. Беляева и В.Е. Чернявская [4]. Авторы выдвигают идею подготовки специалистов нового типа, умеющих создавать, переводить, обрабатывать тексты в соответствии с требованиями конкретной культуры, что полностью укладывается в культурную парадигму перевода.

Подчеркнем, что разрабатываемая нами модель опирается на идеи синергетики как науки о взаимодействии самоорганизующихся систем, впервые четко сформулированные Г. Хакеном [5]. К числу синергетических систем мы относим и систему перевода, в которой, согласно принципам синергетики, происходит взаимодействие смыслов, сопровождаемое приращением новых смыслов, что обуславливает порождение гармоничного текста перевода как феномена другой культуры.

Понимание и интерпретация этих процессов требуют рассмотрения таких вопросов как языковое сознание личности и специфика языкового сознания переводчика, внутренняя речь и внутреннее проговаривание, а также их переход к «внешнему» проговариванию, внутренняя речь и внутренний перевод, а также его переход во «внешний» перевод, ориентированный на достижение гармонии.

Методология и методика исследования

Методологической базой нашего исследования выступает синергетический подход. В процессе изучения синергетической природы перевода мы пришли к следующему выводу: «Синергетический эффект, возникающий в процессе функционирования переводческого пространства, проявляется в идее многовариантности, непредсказуемости, невозможности однозначного определения перспективного вектора развития переводческого пространства, а, следовательно, признании бесконечного числа возможных версий перевода одного и того же текста» [4, с.13].

В рамках настоящей статьи рассмотрим подробнее проблему языкового сознания переводчика, погруженного в переводческое пространство. Изучение данного аспекта проблемы позволит описать когнитивный компонент когнитивно-семиотического пространства.

В качестве исходного мы выдвигаем предположение о том, что постижение языкового сознания переводчика становится возможным в результате анализа переводческих находок и переводческих неудач, выступающих как «следы» языкового сознания, с помощью которых можно проследить взаимодействие внутренней

речи и внутреннего перевода.

Импульсом для изучения внутреннего перевода, соотносимого с внутренней речью, послужила статья Н.Г. Юзефович «Актуализация инокультурного субстрата: обоснование механизма внутреннего перевода», опубликованная в сборнике научных трудов «Индустрия перевода» [6].

Рассмотрим, как языковое сознание трактуется в современных исследованиях.

Н.Ф. Уфимцева изучает языковое сознание с позиций «образа себя» и «образа другого» и приходит к следующему выводу: «...явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности общения, отображаются в сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений и образ мира меняется от одной культуры к другой» [7, с. 33]. Ученый полагает, что межкультурное общение ввиду недостаточной общности сознаний коммуникантов может стать материалом для изучения языкового сознания личности в целом.

Проблема языкового сознания переводчика исследуется Т.Г. Пшенкиной [8]. Автор рассматривает языковое сознание переводчика как одну из форм когнитивного сознания. Основная идея автора состоит в том, что мир, стоящий за словом, представляет собой преобразованную сознанием реальность, что можно рассматривать как когнитивный процесс: «переводческая обработка столь сложной гетерогенной информации, где слово оказывается ассоциированным не с реальностью, а с ее пониманием, сложившимся в акте языкового созидания народа, является когнитивным процессом» [8, с.126].

Мы предположили, что языковое сознание переводчика, не являющегося абсолютным билингвом, включает в себя, в разной степени, элементы двух образов мира, двух лингвокультур. В связи с этим изучение языкового сознания переводчика становится возможным при условии выявления «следов» языкового сознания, которые могут быть представлены в виде переводческих находок и переводческих ошибок, и которые в совокупности характеризуют принимаемые переводческие решения. В случае переводческой находки мы наблюдаем смысловую гармонию, а переводческая ошибка характеризует дисгармонию. Переводчик создает образ текста (в широком смысле, образ мира), который отличается от образа мира автора и от образа мира потенциального реципиента.

Как показало исследование проблемы языкового сознания, оно находится в неразрывной связи с проблемой внутренней речи, и внутреннего

проговаривания, что отражено в работах ведущих российских психологов.

Теория внутренней речи была разработана Л.С. Выготским, который, сравнивая ее с внешней речью, подчеркивал ее принципиальное отличие от внешней речи, сформулировав через метафору о том, что внутренняя речь — это не аккомпанемент, а самостоятельная мелодия. Внутренняя речь противопоставлена внешней: если внешняя речь есть процесс превращения мысли в слово, то внутренняя речь сопровождается «испарением речи в мысли», иными словами, слово умирает во внутренней речи и рождается мысль. В целом ученый определял внешнюю речь как речь для других, а внутреннюю речь как речь для себя. Если в процессе мышления внешняя речь переходит во внутреннюю речь, то в процессе общения имеет место и противоположный процесс — развертывание внутренней речи во внешнюю [9].

В рамках проводимого нами исследования исключительную значимость приобретает не только сам механизм внутренней речи, который, вероятнее всего, соотносим с механизмом внутреннего перевода, но и размышления ученого о том, что внутренняя речь необходима для осознания трудностей, т.е. рефлексии, и для их преодоления с целью принятия решений.

Исследуя проблему языкового сознания переводчика, нельзя не обратиться к трудам Н.И. Жинкина [10]. В рассматриваемом отношении важно, что работах Н.И. Жинкина было введено фундаментальное понятие универсального предметного кода, трактуемого как однозначное отображение действительности, соотношенность с внешним миром. Данное понятие объясняет принципиальную переводимость с одного языка на другой, т.к. УПК является общечеловеческим феноменом, своего рода психической универсалией.

При описании механизмов внутренней речи Н.И. Жинкин подчеркивал, что внутренняя речь находится в сложных отношениях с языком, т.к. каждый человек воспринимает обращенную к нему речь собственными словами. В отличие от американских ученых того времени, утверждавших, что внутренняя речь есть внешняя речь минус звук, Н.И. Жинкин полагал, что внутренняя речь в принципе иная, т.к. в ней преобладают не слова, а их заместители — образы, схемы, наглядные представления, и эта замена осуществляется по принципу смысловой эквивалентности. Однако во внутренней речи присутствуют и отголоски слов и интонаций, которые мимолетно возникают в сознании человека в процессе говорения и слушания. И образы, и элементы слов субъективны, не передаваемы, и лишь когда мы заменяем

их словами, они обретают значение. Сложность состоит в том, что в речи, в тексте слова имеют значения, а об их смысле нужно догадываться. В этом и состоит процесс понимания. И только поняв общий смысл, можно подобрать слова. Любое слово вводится в память при помощи проговаривания – вначале вслух, потом про себя.

А теперь обратимся к лингвистическим исследованиям внутренней речи. В лингвистике текста в аспекте монологичной коммуникации проблема внутренней речи изучалась Л.Н. Мурзиным. В своих рассуждениях ученый опирался на идею интериоризации внутренней речи, впервые высказанную П.Я. Гальпериным. Как поясняет Л.Н. Мурзин, внутренняя речь обращена внутрь личности, и, казалось бы, не нуждается в языке. «... во внутренней речи мы пользуемся языком приблизительно так же как во внешней. Поэтому можно предположить, что понятие внутренней речи сопрягается с понятием текста: внутренняя речь – это тоже текст, хотя и особого рода» [11, с. 25].

Л.Н. Мурзин прослеживает процесс становления внешней речи из внутренней, что влияет на понимание высказывания: «можно с достаточной определенностью утверждать, что наша внешняя речь наполняется конкретным содержанием благодаря опоре на внутреннюю речь» [11, с. 26].

Развивая эту идею своего учителя, мы можем предположить, что без внутреннего перевода, основанного на внутренней речи и сопутствующего ей УПК, не может быть не только внешней речи, но и внешней межъязыковой и межкультурной коммуникации, т.е. перевода в собственном смысле слова.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что закономерности порождения текста при монологичной коммуникации релевантны для порождения текста при двуязычной коммуникации, т.е. при переводе. Если в речемыслительной модели П.Я. Гальперина представлен переход от внешней интерпсихической функции к внутренней интрапсихической, можно предположить, что рассмотренные функции характеризуют и внутреннюю речь, и внутренний перевод [12]. Важно, что они характеризуют переход от внутреннего перевода к внешнему. Бесспорно, переводчик совершает обратный путь: действия во внутренней речи, внешняя речь про себя, громкая внешняя речь (при письменном переводе – зафиксированный на письме текст). Мы можем обозначить эти этапы следующим образом: действия во внутренней речи – действия во внутреннем переводе; внешняя речь про себя – внешний перевод про себя; громкая внешняя речь – устный или письменный внешний перевод.

Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах. Рассмотрим фрагмент текста современной французской писательницы Мюриэль Барбери «Лакомство» в оригинале и переводе [13, 14]. В центре романа – воспоминания кулинарного критика, обладателя изысканного вкуса, для которого главными удовольствиями в жизни были еда и слова.

Muriel Barbery – “Une gourmandise”

1) *Toi et moi on est fait de la même étoffe. – Ты и я сделаны из одного теста.*

2) *Un moment de triomphe. Elle me regarda un instant estomaquée, le temps de comprendre... [13, p. 143]. – Я вкусил триумф. С минуту она смотрела на меня ошарашенно, пока до нее не дошло... [14, с. 135].*

3) *Des madeines aux fèves Tonka ou de l'art du raccourci cavalier! [14, p. 144]. – «Мадлен» с плодами дерева кумару. Или краткость – сестра таланта! [14, с. 136].*

Поясним, что все переводы мы признаем гармоничными, т.к. они естественно воспринимаются русским читателем.

А теперь попытаемся реконструировать ход мысли переводчика, процессы, протекающие в его языковом сознании, т.е. представить «следы» языкового сознания переводчика. Этот процесс не симультанный, а сукцессивный, т.е. переводчик мысленно совершает разнообразные психические, речемыслительные, когнитивные операции, которые можно представить в виде «шагов».

Результаты исследования

Исследуя механизмы внутреннего перевода, мы опирались на труды М. Ледерер, автора интерпретативной теории перевода (ИТП), которая следующим образом описывает динамику смыслов в процессе перевода: *déverbalisation-compréhension-reverbalisation* (девербализация – понимание – ревербализация) [15]. По мысли М. Ледерер, в сознании переводчика происходит триединый процесс: переводчик освобождается от слов оригинала, одновременно происходит понимание смысла текста, который приобретает новую словесную форму. Этот процесс можно соотносить с внутренним переводом и внутренней речью, т.е. лишившись словесной оболочки, слово как двусторонний знак перестает существовать, но, обретая новую словесную оболочку, оно воссоздается и может приобрести другие значения. Задача переводчика состоит в том, чтобы создать в своем сознании такой образ, который будет понятен реципиенту, принадлежащему другой культуре.

Переходим к анализу первого примера: *Toi et moi on est fait de la même étoffe*. Процессу

девербализации предшествует создание буквального перевода. Он выглядит так: *Ты и я мы сделаны из одной ткани*. Можно сказать, что происходит процесс внутреннего проговаривания, или, согласно П.Я. Гальперину, имеют место действия во внутренней речи [12]. Согласно Н.И. Жинкину, внутренняя речь может быть как вербальной, так и невербальной, т.е. образной, где присутствуют смысловые заместители слов [10]. Версию буквального перевода мы обозначим как действия во внутреннем переводе, расценивая ее как эквивалент действий во внутренней речи.

Внешняя речь про себя – внешний перевод про себя

На втором этапе переводчик подбирает приемлемые переводческие решения: либо он находит словарные соответствия, что приводит его к адекватному переводу, либо он осуществляет разнообразные межъязыковые переводческие трансформации, что приводит его к эквивалентному переводу, либо он осуществляет приращение новых смыслов в соответствии с требованиями принимающей культуры – их синергию, что приводит его к гармонии. В противном случае он допускает переводческую ошибку, что приводит его к дисгармонии.

На данном этапе переводчик оперирует результатами внутреннего перевода и значениями лексем как на языке оригинала, так и на языке перевода. При этом в каждом тексте, в каждом его фрагменте возможно сочетание разных способов перевода, за исключением дисгармоничного. Проанализируем словосочетание *«de la même étoffe»*, перевод которого представляет интерес.

В процессе проговаривания про себя переводчик (Н. Хотинская) приходит к выводу, что словарные значения не найдут отклика у русского читателя, и в его языковом сознании возникает другой образ, приемлемый в русской лингвокультуре, а именно: *«быть из одного теста»*.

Громкая внешняя речь – устный или письменный внешний перевод

На третьем этапе происходит окончательная ревербализация образа, возникшего в языковом сознании переводчика. Так происходит письменное оформление текста перевода, или порождение внешнего перевода. Создается гармоничный перевод фрагмента: *Ты и я сделаны из одного теста*.

Поясним, что признание данного варианта гармоничным не является единственным переводческим решением. Мы исходим из предположения о том, что гармоничных переводов может быть бесконечное количество. Это

предположение основано на том факте, что при переводе на разные языки появляется потребность в разных вариантах гармоничности: то, что приемлемо в одной лингвокультуре, может оказаться не только неприемлемым, но и дисгармоничным в другой.

Проиллюстрируем проявление гармоничного перевода на другом примере из того же романа:

Des madelaines aux fèves Tonka ou de l'art du raccourci cavalier! ... La pâtisserie n'était guère qu'un prétexte, celui d'un psaume sacré, miellé, fondant et nappé.... –

«Мадлен» с плодами дерева кумару, или краткость – сестра таланта ... Пирожные были лишь поводом к нескончаемому псалму – сладкому, медовому, тающему во рту.

Французское слово *madeleine* переведено на русский язык как *«Мадлен»* и взято в кавычки. Вероятно, это удачное переводческое решение, т.к. иначе русскоязычный читатель может не понять, о каком продукте идет речь. На самом деле, бисквитное печенье мадлен или пирожное мадлен является культовым французским лакомством, история которого восходит к XVIII веку. Позднее оно оказалось у кондитеров Версаля, простое в приготовлении, в форме ракушки, оно обладает нежным вкусом. Существует печенье *«petites madelaines»*, которое у нас называют *«мадленки»*. Известность *«мадлен»* приобрело после перевода с французского языка романа М. Пруста *«В поисках утраченного времени»*. В данном фрагменте автор упоминает *«pâtisserie»*, что может обозначать и кондитерские изделия, и пирожные. Но переводчик использует именно *«пирожные»*, т.к. речь идет о пирожном мадлен.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что существует некий когнитивно-семиотический континуум, в котором совершается речемыслительная деятельность переводчика – переводческое пространство, в котором формируется индивидуальная переводческая картина мира, позволяющая переводчику создать гармоничный текст. Современный канадский исследователь Ж. Делиль выявляет, среди прочих, культуруформирующую функцию перевода, подчеркивая при этом, что перевод – это не только диалог культур, но и их созидание. [16]. Мы считаем, что культуросообразность перевода – его важнейшее качество, а гармоничный перевод – проявление культуросообразности.

Содержанием когнитивного континуума являются такие мыслительные операции как девербализация, понимание, ревербализация. Каждой такой переводческой операции соответствует

мыслеречевая операция: вербальная или невербальная внутренняя речь соотносится с девербализацией; внешняя речь про себя и процесс выбора переводческого решения соотносится с пониманием и внешним переводом про себя; громкая внешняя речь, внешний устный или письменный перевод соотносится с ревербализацией.

Описывая когнитивно-семиотическое пространство перевода, мы приступаем к созданию теории порождающего перевода, в центре внимания которой — языковое сознание переводчика, обладающего гармоничным переводческим

мировоззрением, что ориентирует его на совершенствование своей личности, и что может привести к формированию элитарной языковой личности переводчика.

Важно подчеркнуть, что полноценное понимание переводческого сознания, его глубинных внутренних механизмов придет только после того, как мы апробируем и проанализируем самые разные переводческие ситуации, что позволит представить целостную картину, отражающую объективную и субъективную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лотман Ю.М.** Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб: «Искусство-СПб», 2004. 704с.
2. **Рябцева Н.К.** Стереотипность и творчество в переводе // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Пермь, 2008. С. 12–26.
3. **Кушнина Л.В.** Культурная парадигма перевода // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20. Пермь, 2016, С.130–139.
4. **Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.** Научный и технический текст и информация 4.0: Ключевые задачи при создании структурированного контента // Научно-технические ведомости СПб-ГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2019. Т.10, №2, С.53–63. DOI: 10.18721/JHSS.10205
5. **Хакен Г., Хакен-Крелль М.** Тайны восприятия, М., 2002. 272 с.
6. **Юзефович Н.Г.** Актуализация инокультурного субстрата: обоснование механизма «внутреннего перевода» // Индустрия перевода. Материалы VI Международной научной конференции. Пермь, 2014. С. 149–154.
7. **Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.Ф.** (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М., Гнозис, 2017. 390с.
8. **Пшенкина Т.Г.** Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул: изд –во БГПУ, 2005. 240с.
9. **Выготский Л.С.** Мышление и речь. М.: «Лабиринт», 1999. 352с.
10. **Жинкин Н.И.** Речь как проводник информации. М., Наука, 1982. 157с.
11. **Мурзин Л.Н., Штерн А.С.** Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та 1991. 172с.
12. **Гальперин П.Я.** К вопросу о внутренней речи. Доклады АПН РСФСР, 1957, № 4.
13. **Barbery M.** Une gourmandise, Guallimard, 2000. 169p.
14. **Барбери М.** Лакомство. пер. с франц. Н. Холтинской, М.: Иностранка, 2010.160с.
15. **Lederer M.** La traduction aujourd'hui, 1994. 224p.
16. **Delisle J.** Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction, 2014, № 21. Pp.37–60.

Статья поступила в редакцию 06.10.2019

REFERENCES

- [1] **Yu.M. Lotman**, Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashhikh mirov. [Semiosphere. Culture and explosion. Inside of thinking worlds]. Saint Iskusstvo, St. Petersburg, 2004.
- [2] **N.K. Ryabtseva**, Stereotipnost' i tvorchestvo v perevode [Stereotypy and creativity in translation]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotype and Creativity in the Text]. Perm, Perm State University Press, 12 (2008) 12–26.
- [3] **L.V. Kushnina**, Kul'turnaya paradigma perevoda [Cultural Paradigm of Translation]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotype and Creativity in the Text]. Perm, Perm State University Press, 20 (2016) 130–139.
- [4] **L.N. Belyaeva, V.E. Chernyavskaya**, Scientific and Technical Texts in the framework of Information 4.0: content analysis and text synthesis, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (2) (2019) 53– 63. DOI: 10.18721/JHSS.10205
- [5] **G. Khaken, M. Khaken-Krell**, Tajny vospriyatiya [Secrecies of perception] Moscow, 2002.
- [6] **N.G. Yuzefovich**, Aktualizatsiya inokul'turnogo substrata: obosnovanie mekhanizma «vnutrennego

perevoda» [Actualization of foreign culture substrate: basement of the mechanism of “inner translation”] // Industriya perevoda. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Perm, 2014. 149–154.

[7] **I.A. Bubnova, I.V. Zykova, V.V. Krasnykh, N.F. Ufimtseva**, (Neo)psikholingvistika i (psikho) lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashhem [Neo-psycholinguistics and psycholinguoculturology: new sciences of linguistic identity]. Gnozis, Moscow, 2017.

[8] **Pshenkina T.G.** Psikholingvisticheskie osnovaniya verbal'noj posrednicheskoj deyatelnosti perevodchika [Psycholinguistics basement of verbal mediate activity of a translator]. BGPU Publ., Barnaul, 2005.

[9] **L.S. Vygotskij**, Myshlenie i rech' [Intellection and Speech]. Labirint, Moscow, 1999.

[10] **N.I. Zhinkin**, Rech' kak provodnik informatsii

[Speaking as information cogitation]. Nauka Publ., Moscow, 1982.

[11] **L.N. Murzin, A.S. Shtern**, Tekst i ego vospriyatie [Text and its perception]. Urals State Univ. Publ., Sverdlovsk, 1991.

[12] **P.Ya. Gal'perin**, K voprosu o vnutrennej rechi [To the question of inner speech]. Doklady APN RSFSR. 4 (1957).

[13] **M. Barbery**, Une gourmandise, Guallimard, 2000.

[14] **M. Barberi**, Lakomstvo / M. Barbery, translated from French by N. Khotinskaya, Inostranka, Moscow, 2010.

[15] **M. Lederer**, La traduction aujourd'hui, 1994.

[16] **J. Delisle**, Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction, 21 (2014) 37–60.

Received 06.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Кушни́на Людмила Вениаминовна

Kushnina Liudmila V.

E-mail: lkushnina@yandex.ru